
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И НОВОЕ В ПОЭТИКЕ МОНГОЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА

Магсар Цэвээний

Монгольский государственный университет образования
ул. Сухэ-Батора, 8, Улан-Батор,

В данной статье речь идет о взаимосвязи монгольской литературы с литературами других народов и о некотором их влиянии. Особое место автор уделяет русской литературе, так как и в силу исторических обстоятельств и вследствие того, что эти литературы были поставлены в условиях единого направления художественно-эстетического развития, монгольская литература XX в. имела особую взаимосвязь именно с ней. Автор приводит образцы тех элементов поэтики в монгольской литературе, в частности в поэзии, которые были переняты под влиянием русской классики. Подчеркивается также то, что новые элементы отмечены не только в поэзии, но и в других жанрах, в том числе и в сценическом искусстве. Исследование может представлять большой интерес в области сравнительного литературоведения.

Ключевые слова: русская литература, монгольская литература, новое, поэтика, классика, эксперимент.

Знакомство монголов с литературой и культурными традициями других стран и народов имеет длительную историю: известны следы влияний тибетской, китайской, индийской и частично персидской культур [2. С. 5], следы которых явно доминировали в нашей литературе вплоть до начала XX в. Однако в результате монгольской народной революции 1921 г., направленной в первую очередь против иноземных захватчиков, сложились благоприятные условия для развития новой литературы, отличавшейся от предыдущей своими идейными и эстетическими устремлениями. У истоков этой литературы — поэтические творения Д. Нацагдоржа, С. Буяннэмэх, Ц. Дамдинсурэна [7. С. 11] и их современников. Именно поэзия лидировала в модернизации культуры того времени, так как сформировавшиеся в течение веков стереотипы построения поэтического текста с их религиозно-нравоучительной тенденциозностью и «канонами» препятствовали выходу за границы традиционных «школ» и направлений.

Происходивший в Монголии поворот в развитии эстетической мысли (в частности, художественно-поэтического мышления), обусловленный общественно-исторической ситуацией, был во многом инициирован первыми монгольскими лидерами-интеллектуалами. В послереволюционное время ими являлись деятели культуры, получившие в России классическое образование (Ц. Жамцарано, Б. Ринчен и др.), усвоившие шедевры русской классики, а также произведения поэтов Серебряного века. Областью применения нового художественного опыта служила прежде всего монгольская литература. Под влиянием русской классики шли не только различные поиски, ставились эксперименты, вырабатывались новые взгляды на словесное искусство, но и формировалось новое поколение монгольской художественной интеллигенции [3. С. 13], многие представители которой впоследствии учились в Литературном институте им. М. Горького. Их

знакомство с шедеврами русской литературы — произведениями А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Чехова, С. Есенина, М. Шолохова оставило глубокий след в творчестве наших писателей.

Многие поэты и прозаики тех лет занимались переводами произведений русских писателей на монгольский язык. Это была своеобразная школа литературного мастерства. Известный монгольский поэт Ц. Дамдинсурэн писал Н.С. Тихонову: «Пользуясь случаем, хочу Вам сказать, что мы, монгольские писатели, учимся у русских классиков и советских писателей. Советские писатели дают нам образцы высокого идейно-художественного мастерства. Поэтому из иностранных писателей в первую очередь мы стараемся переводить на монгольский язык именно русских» [7. С. 95].

Нельзя сказать, что монгольские поэты и писатели подражали русским или копировали их мысли, но весьма примечательно, что многие элементы европейской, в том числе русской эстетической мысли, стали очевидными фактами монгольской художественной литературы XX в., по-своему прижились на восточной почве, образовав тем самым своеобразный художественный слой, который находится на стыке двух культур — восточной и западной [7. С. 5–6]. Эти элементы все еще ждут серьезного исследования с позиций сравнительного литературоведения, однако некоторые их характеристики нетрудно обозреть, опираясь на общеизвестные факты литературного развития. Их следует назвать художественными поисками, потому что отдельные элементы в области языка и стиля имели очевидный экспериментальный характер.

Например, в традиционной монгольской поэзии риторический вопрос нельзя считать типичным явлением. Однако в творчестве Д. Нацагдоржа начала 1930-х гг. появляется несколько стихотворений публицистического характера, в которых автор заключает свою мысль в виде вопроса («Од», «Эсэргууг сонсвоос», «Эрх чөлөөг хусэхой», «Торон дотор уйтгарлахой», «Хувьсгалын дайсан шар хар харгис, хуний дайсан дотуур гадуур овчин», «Гэргий хуухдээсээ хагацахой»). На наш взгляд, увлечение поэта подобной формой связано с его переводами произведений А.С. Пушкина, совпадающими по времени с написанием этих стихотворений. Среди них особенно выделяется художественной изящностью и глубиной мысли стихотворение «Звезда» («Од»), обращенное к планете Марс и очень удачно переведенное на русский язык Е. Евтушенко.

Одно из знаменитых стихотворений С. Дашдоорова явно перекликается с пушкинским стихотворением «Цветок»:

Торгон туузаар ороосон	Цветы степные, благоуханные,
Талын анхилуун цэцэг	Повязанные шелковой лентой,
Тоос шороонд дарагдаад	На обочине дороги брошены
Замын хажууд хэвтэнэ	И вянют под пылью и прахом.

В эту нетипичную для Монголии картину автор включает явно символический подтекст, который и для традиционной монгольской поэзии является достаточно характерным явлением.

Историки монгольской поэзии часто уподобляют Ц. Гайтава В. Маяковскому. Как признают критики, обращаясь к революционно-политической тематике,

Ц. Гайтав сознательно подражает В. Маяковскому, стараясь придерживаться его рифмовки, монументализма и афористичности. Вот как выглядит его поэма «Пробуждение целины» в переводе В. Микушевича [4. С. 213]:

Ветер и небо,
                                недра и воды
Верой и правдой
                                нам служат теперь.
Воле народа
                                покорна природа,
В будущее
                                открывается дверь.

Тут все «от Маяковского» — и сложение строфы, и темп, и характер интонации:

...Баюкала дочку
                                Земля,
  терпеливая мать:
«Будешь долго ты спать,
Будешь долго ты спать,
Спать,
Спать,
Спать.
Баюшки-бай...
Баюшки-бай...
Спи — засыпай...
Спи — засыпай...»

Интересны случаи, когда некоторые знаменитые монгольские поэты экспериментировали подобно Д. Кедрину или В. Хлебникову. Формотворческие эксперименты, начатые еще С. Буяннэмэх, продолжались и продолжаются по нынешнее время. Ярким свидетельством тому являются стихотворение Д. Урианхай «Суварга» («Субурган»), построенное в форме буддийской ступы, или стихотворение «Парный сонет» Р. Чойнома, в котором все строки можно расположить в два ряда, где каждый имеет самостоятельный законченный смысл.

Следует отметить, что жанр сонета, нетрадиционный для восточной поэзии, был перенят монгольской словесной практикой у европейцев через русскую поэзию, хотя европейский сонет в классической своей структуре не подходит для монгольского стихосложения. Сонетами монгольские поэты называют обычный стих из 14 строк. Они писались после перевода на монгольский язык «Евгения Онегина», возможно, под идентичным пониманием «онегинской строфы».

Переводческая практика в истории монгольской поэзии всегда оставляла глубокий след в самой поэтике. В XX в. она была в большей мере связана с русской поэзией. Некоторые поэты-переводчики сочиняли даже по горячим следам перевода из творчества того или иного русского автора. Тот же Ц. Дамдинсурэн, например, переведя пушкинскую «Тучу», тотчас написал цикл стихов, где есть стихотворение «Туча», точно напоминающее образную зарисовку в пушкинском стихотворении.

Учеба многих монгольских поэтов в Литературном институте им. М. Горького оставила также отпечатки в их творчестве, которые связаны не только с места-

ми, где они жили и учились, добрыми воспоминаниями, но и с работой в поэтических семинарах, где автор занимался экспериментальными поисками.

Знаменитый монгольский поэт Б. Явуухулан написал в 1959 г. стихотворение «У памятника Пушкину», содержащее яркие моменты из жизни и творчества великого русского поэта. В том же году им было написано блестящее стихотворение, один из шедевров монгольской поэзии XX в. «Вот где я родился», композиционно напоминающее пушкинский «Кавказ». К сожалению, до сих пор нет качественного перевода этого стихотворения на русский язык.

Большое влияние русская литература оказала на сценическое искусство Монголии XX в. Постановка русской классики в монгольских театрах потребовала соответствующую режиссуру. Появление пьес А. Чехова, А. Островского, М. Горького, В. Гоголя и многих других классиков русского театрального искусства на монгольской сцене актуализировали принципы театра К. Станиславского, стали существенными элементами современного монгольского сценического искусства. Творчество Д. Намдага, Л. Вангана, Ч. Ойдова и некоторых других драматургов, ставших классиками монгольского театра XX в., невозможно рассмотреть вне той атмосферы, которая десятки лет формировалась под влиянием русской классики.

В заключение отметим, что в статье мы рассмотрели лишь отдельные элементы «новой» поэтики, так или иначе восходящие к русской литературе. К сказанному добавим, что экспериментальное творчество продолжается и в современной монгольской литературе. Но это уже тема другого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Билигсайхан Ч.* Ухаарахой: шинэ уеийн уран зохиолын онол. УБ., 2003.
- [2] *Дамдинсүрэн Ц.* Бурэн зохиол. 3 дугаар боть, УБ., 2001.
- [3] *Магсар Ц.* XX зууны монголын утга зохиолын шуумжлэл. УБ., 2009.
- [4] Поэты Народной Монголии. М., 1961.
- [5] Серебряный век русской поэзии. М., 2001.
- [6] *Цэрэнсодном Д.* Монгол уран зохиол. УБ., 1987.
- [7] *Яцковская К.Н.* Поэты Монголии XX века. М., 2002.

RUSSIAN LITERATURE AND INNOVATION IN POETICS OF MONGOLIAN LITERATURE IN XX CENTURY

Magsar Tseveenii

Mongolian State University of Education, Mongolia
Sukhbaatar str., 8, Ulaanbaatar

This article is about interrelation of the Mongolian literature and the literatures of other nations and some of their influences. In the article the author highlights Russian literature. Because the Mongolian literature of the twentieth century had exclusive relationship with the Russian literature due to historical

circumstances and fact that both nations' literature were placed in a common condition of artistic and aesthetic development. The author brings examples of poetic elements of the Mongolian literature, particularly poetries with elements adopted under influence of Russian classics. It also emphasizes that the new elements are marked not only in poetry, but also in other genres, including performing arts. The research may attract researchers' interest in the field of comparative literature.

Key words: Russian Literature, Mongolian Literature, Innovation, poetics, classics, experiment.

REFERENCES

- [1] *Biligsaikhan Ch.* Ukhaarakhoi: shine ueiin uran zokhiolyn onol. Ulaanbaatar, 2003.
- [2] *Damdinsuren Ts.* Buren zokhiol. 3 dugaar bot, Ulaanbaatar, 2001.
- [3] *Magsar Ts.* XX zuuny mongolyn utga zokhiolyn shuumjlel. Ulaanbaatar, 2009.
- [4] Poety Narodnoi Mongolii. M., 1961.
- [5] Serebryany vek russkoi poezii. M., 2001.
- [6] *Tserensodnom D.* Mongol uran zokhiol. Ulaanbaatar, 1987.
- [7] *Yatskovskaya K.N.* Poety Mongolii XX veka. M., 2002.